

Немногие владеют даром рассказать о событии так,
что оно, это событие, становится для читателя зримым...

Владимир Познер

Ильяс Богатырев

ЦЕНА ЧЕЛОВЕКА

заложник
чеченской войны

АНФ

Ильяс Богатырев

**Цена человека: Заложник
чеченской войны**

«Альпина Диджитал»

2015

Богатырев И.

Цена человека: Заложник чеченской войны /
И. Богатырев — «Альпина Диджитал», 2015

Во второй половине 1990-х, когда похищение людей стало на Северном Кавказе массовым явлением, а количество заложников исчислялось сотнями, Ильяс Богатырев, специальный корреспондент легендарной программы «Взгляд», занимался сбором материалов для фильма о торговле людьми в Чечне. Однако по-настоящему он понял, что такое заложничество, когда стал жертвой сам. «Добро пожаловать в ад» – эта надпись на полуразрушенном стенде у въезда в Грозный до сих пор стоит у него перед глазами. Пережитый опыт и желание избавиться от страшных воспоминаний побудили его написать книгу. В ней и размышления о времени и политике, и анализ одного из самых уродливых и до сих пор не изжитых явлений в мире – торговли людьми, и советы бывалых военных журналистов, как действовать в таких ситуациях. Сдержанный и мужественный документально-художественный текст читается как психологический триллер, захватывая подлинностью деталей и характеров, мучительной неизвестностью, сопереживанием и ожиданием развязки.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ильяс Богатырев

Цена человека: Заложник чеченской войны

Редактор *Роза Пискотина*

Руководитель проекта *И. Серёгина*

Корректоры *М. Миловидова, С. Мозалёва*

Компьютерная верстка *А. Фоминов*

Дизайн обложки *Ю. Буга*

В дизайне обложки использовано фото *В. Воронова*

Фото И. Богатырева – *Б. Борлаков*

© И. Богатырев, 2015

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2015

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Родным и близким своим посвящаю

Глава 1

В те годы я работал специальным корреспондентом очень популярной в стране еженедельной информационно-аналитической программы «Взгляд». В 1997 году, помимо съемок различных сюжетов, я занимался сбором информации о похищениях людей в Чечне. Сведения из различных источников должны были лечь в основу сценария документального фильма под рабочим названием «Торговля людьми»: дело в том, что во второй половине 1990-х похищение людей стало на Северном Кавказе массовым явлением, количество заложников исчислялось сотнями. Первые известные мне случаи были связаны с боевыми действиями на территории республики в 1994–1996 годах. Грешили этим обе противоборствующие стороны – федеральные войска и чеченские боевики. Но если в те годы человека увозили в неизвестном направлении с целью последующего его обмена, то в послевоенный период умышлять стали главным образом ради получения денежного выкупа.

«Великий Дух несовершенен. У него есть светлая сторона и темная. Иногда темная сторона дает нам больше знаний, чем светлая».
Из высказываний индейских вождей

Торговля людьми – одно из самых уродливых и до сих пор не изжитых проявлений человеческого бытия. В свое время я расследовал факты об этом. Когда был похищен сам, узнал больше: каково это – стать жертвой...

Большая часть собранных мною материалов была из соседних с Чечней регионов, откуда в основном и похищали бизнесменов или их родственников. Были случаи, когда делали это с намерением добиться обмена захваченного федеральными силами родственника. Теперь в моем распоряжении были ультимативные письма от похитителей, аудио- и видеокассеты часто с душераздирающими записями заложников, умоляющих выполнить все требования похитителей и помочь им вырваться на свободу.

Совместно с правозащитниками из организации «Мемориал» был также составлен внушительный список похищенных в Чечне рабочих из различных регионов России, которые приехали в республику на так называемые восстановительные работы после боевых действий. Выкуп за их освобождение требовали от организаций, получивших подряды на строительные работы.

Больше всего меня интересовала любая мало-мальски значимая информация о похищенных коллегах. В тот момент в заложниках находились четыре российских журналиста – корреспондент ИТАР-ТАСС Николай Загнойко, сотрудники «Радио России» Николай Мамулашвили, Лев Зельцер и Юра Архипов, с которым я был знаком лично. Кроме них похитители уже долгое время удерживали итальянского фотокорреспондента Мауро Галлигани. Немного позже была захвачена съемочная группа НТВ из трех человек во главе с корреспондентом телеканала Еленой Масюк.

Во время ставших уже привычными командировок в Чечню несколько человек советовали мне поговорить с неким Салауди, о котором поговаривали то ли как об организаторе похищений, то ли как о посреднике. В разрушенном Грозном у него был весьма процветающий бизнес – станция спутниковой связи, где выстраивались огромные очереди переживших войну чеченцев. Они сидели в тесных кабинках станции и набирали заветные номера родственников, живших в большом мире за пределами Чечни. Традиционная проводная связь в республике была уничтожена, а сотовая связь только-только налаживалась. Мне удалось познакомиться с Салауди прямо у него в офисе под огромной «тарелкой», установленной среди полуразрушенных зданий в центре города. Вначале к моим расспросам Салауди

отнесся настороженно и то и дело изображал недоумение, будто совершенно не понимал, о чем я его спрашиваю. Но когда ему стало ясно, что я не отстану, пригласил нас с оператором пообедать и уже за столом уличного кафе стал несколько более разговорчивым.

– Люди приходят и просят меня помочь. Ну, я и начинаю расспрашивать. Узнавать... Стараюсь свести людей и помогаю договориться, – осторожно и с расстановкой стал рассказывать Салауди, разжевывая баранину.

– А почему приходят именно к вам? – интересовался я.

– Не знаю, – отвечал Салауди, запивая очередной кусок густым бульоном.

В конце трапезы Салауди резким жестом дал нам понять, что смертельно обидится, если мы вздумаем расплачиваться за обед. Прощаясь, я отдал ему свою визитку и попросил позвонить, если что-нибудь узнает о наших коллегах. В последний момент я попросил обратно визитку и вернул ее, дописав на оборотной стороне номер своего домашнего телефона.

Не помню точно, сколько прошло времени, но как-то вечером из Грозного мне позвонили домой.

– Алло, это Ильяс?

– Да.

– Богатырев?

– Да, а кто спрашивает?

– Ты, наверное, меня не помнишь, это Муса. Я от Салауди. Ты хотел встретиться с коллегами?

Тут до меня все мгновенно дошло.

– Да.

– Приезжай завтра. Я встречу в аэропорту. С тобой лично ничего не случится, – добавил он в конце очень важную деталь.

Звонить в редакцию и согласовывать командировку было уже слишком поздно. Я позвонил знакомым и договорился, что заеду к ним за компактной видеокамерой HI8 рано утром и заплачу им \$300 за три дня аренды.

Предусмотреть все невозможно. Но есть несколько вещей, которые необходимо сделать прежде, чем выезжать в опасную зону. Первое: оставьте друзьям, родственникам или коллегам информацию о том, куда именно, с какой целью и как надолго вы рассчитываете ехать. Дайте им имена и все возможные координаты людей, с которыми вы планируете встречи.

«Потренируйтесь произносить про себя: «Если я выберусь отсюда живым – все, завязываю». Вы будете повторять это каждый раз, когда по-настоящему опасная ситуация будет превращаться в полный п...»

Брюс Хейли, фотограф

В аэропорту «Внуково» достать билет на самолет до Грозного мне не удалось, и я позвонил Салауди... Спустя час я уже был на борту самолета чеченской авиакомпании «Асхаб». А через два с небольшим часа – в аэропорту имени шейха Мансура (ныне – аэропорт Северный). Моими попутчиками в самолете в основном были пассажиры вполне себе не бедствующие. Жены их и дети также не производили впечатления потерявших в войну накопленное непосильным трудом.

Звонивший мне Муса не заставил себя ждать в аэропорту. Он высматривал меня на выходе из зала прилета и безошибочно подошел прямо ко мне. Внешне ничем особенно неприметному и молчаливому Мусе было около тридцати пяти. Он сразу пригласил меня пройти к джипу, за рулем которого сидел еще один незнакомый мне молодой чеченец. Един-

ственное, что по пути к городу сказал мне Муса, было то, что сейчас Салауди на месте нет, но он обязательно подъедет к семи часам вечера.

Я ждал Салауди в двухкомнатной квартире пятиэтажного дома, ровно половина которого лежала в руинах. В одной из комнат не было ничего, кроме большой двуспальной кровати, в другой – только диван с креслом и телевизором, стоявшим на тумбочке, набитой видеокассетами «боевиков». Как я и думал, ждать пришлось дольше, чем обещанные два часа. На Кавказе время имеет свое нестрогое измерение, здесь редко кто планирует свой день по часам...

Салауди был приветлив и вел себя так, как будто мы были знакомы уже не первый год. Он сразу распорядился неприметно мелькавшей на кухне молодой женщине насчет ужина, а после короткого разговора на чеченском языке Муса исчез и позже я не видел его ни разу.

Ту ночь я провел в поселке Долинском, некогда богатом советском совхозе, обеспечивавшем молоком город Грозный. Отцовский дом Салауди ничем особенным не отличался: тот же типичный для вайнахского хозяйства широкий двор, просторный навес, примыкавшие друг к другу два одноэтажных дома, под навесом стоял огромный «Ниссан Патрол». Позже я видел, как на нем легко и просто выезжал молчаливый семидесятилетний отец Салауди.

Салауди сказал, что мне придется подождать, пока объявятся люди, обещавшие встречу с заложниками. Ждать пришлось немногим более суток. Все это время я сидел в одной из внутренних комнат, смотрел видеофильмы и листал несколько старых скучных книг, завалявшихся среди хрустальных ваз на полках стенного шкафа. То ли от скуки, то ли от одолевавшего любопытства к дому таинственного Салауди, я стал рыться в выдвижных ящиках шкафа. В одной из них я обнаружил то, что в известных органах называют вещественным доказательством – небольшой ламинированный трафарет с надписью «ОРТ. Телевидение». Спустя уже полгода, я выяснил, что этот трафарет был выставлен на лобовом стекле «Нивы», в которой перед захватом ехали журналисты Перевезенцев и Тибелиус в январе того же 1997 года...

Салауди появился ближе к вечеру следующего дня. Мы поужинали с ним и стали смотреть телевизор. Я не приставал к нему с расспросами, он мало по малу разговорился сам и рассказал, как посредничал в освобождении двух сотрудников ОРТ (нынешний «Первый канал»). Он рассказывал, что похитители совершенно не представляли себе, как отреагирует Москва на похищение журналистов федерального телеканала. Одно дело, понимаете ли, когда похищают рядовых граждан, и совсем другое – сотрудников ведущего телеканала страны. Громкая шумиха, поднятая средствами массовой информации, широкий общественный и политический резонанс на столь дерзкое преступление не на шутку напугали бандитов: они могли оказаться виновными в резкой эскалации и без того непонятных отношений между Москвой и Грозным! В такой ситуации похитители не осмеливались выдвигать каких-то конкретных условий освобождения журналистов и залегли на дно, заняв выжидательную позицию. По словам Салауди, похитители вели себя крайне осторожно и поэтому, когда на них неожиданно вышли люди из Москвы с предложением денег, те несколько растерялись и, явно опасаясь подвоха, обратились за посреднической помощью к нему. При этом остается загадкой, каким именно образом москвичам удалось выйти на похитителей. Салауди согласился стать посредником и был удивлен тем, как вместо нагло затребованного миллиона долларов за освобождение журналистов без торга было отдано 800 000!

– Я хотя и не бедный человек, – говорил Салауди, – но в жизни никогда не видел сразу столько денег. Они были пересчитаны при мне. А когда мой помощник спросил, настоящие ли это доллары, один из троих «покупателей» наугад вытащил несколько пятидесятидолларовых купюр и дал мне их проверить.

Пока Салауди рассказывал мне эту историю, я поглядывал на выдвижной ящик и думал, положил ли я трафарет обратно так, как он лежал до моего появления в этом доме...

Было уже за полночь, когда Салауди вновь появился в моей комнате и сказал: «Пора». С ним было двое вооруженных парней. Меня посадили в «Мицубиси-Паджеро» Салауди, а те двое завязали мне глаза мохеровым шарфом. Ехали недолго. Остановились на каких-то холмах, где Салауди сказал, что дальше я поеду на другой машине без него. Прежде чем пересадить, какие-то новые люди меня тщательно обыскали, приговаривая, что если найдут «жучка», пристрелят на месте.

Дальше, как я понял, ехали вчетвером: впереди двое и еще один, весельчак, рядом со мной.

– Вот, – говорил он, – еще один. Сам приехал! Ха-ха-ха! Ну, как, Ильяс, ты чувствуешь себя на миллион долларов?

Признаюсь честно: испугался. Им ведь действительно ничего не мешало взять и оставить меня у себя в качестве еще одного журналиста-заложника. Нефиг, как говорится, делать...

С какого-то момента бандиты замолчали и не произнесли ни единого слова. В общей сложности мы проехали километров десять – пятнадцать. Как минимум половину пути просто плутали, чтобы сбить меня с толку. Я интуитивно понимал это и считал, что это к лучшему: если бы действительно хотели удержать меня, они не стали бы мудрить, а прямиком отвезли бы куда надо.

Остановившись, мы простояли несколько минут. Потом меня грубо взяли под мышку, вывели из машины и быстро повели вперед, через пару десятков шагов завели в дом и резко и неожиданно развязали глаза.

Передо мной на кровати сидели Юра Архипов и Коля Загнойко. Обросшие, истощенные, с ошалевшими и испуганными глазами... Спустя секунду они уже казались растерявшимися больше, чем я. Еще через мгновение в их глазах будто заискрилась смутная надежда.

Пробежав глазами, я осмотрел помещение. Мы находились в небольшой комнате с зарешеченным окном. Меня с ними разделяла широкая кровать. Я как-то инстинктивно хотел пожать им руки, но охранник в маске, стоявший почти вплотную ко мне, жестом дал понять, что не надо делать резких движений. Тут я осознал, наконец, что надо действовать, снимать. Полез в сумку за камерой и спрашиваю у безликого охранника с автоматом, сколько у меня времени.

– Две минуты, – отрезал он. На секунду я растерялся совершенно. В следующее мгновение собрался мыслями и, направив камеру на Юру и Колю, нажал на кнопку «гес». Пока ехал к ним, обдумывал с десятков вопросов, но тут успевал только спросить, как они себя чувствуют. Когда они начали говорить, что им ужасно плохо, что здоровье сдает и что они хотят, чтобы их как можно скорее освободили, согласившись на все предъявляемые условия, мне показалось, что ребята отговаривают то, что им велено было говорить. Слова звучали заученно как-то, произносились так, будто ребята боялись запнуться или сказать лишнее. В конце концов, я обратился к человеку в маске:

– А где остальные двое?

– Отдыхают, – ответил он резко, стараясь придать своему голосу неестественные интонации.

Прошло меньше пяти минут, и охранник без предупреждения сказал, что хватит, и дернул меня за руку. Я оборвал видеосъемку на полуслове Коли. Единственное, что я смог сделать наперекор охраннику в маске, это один кадр коллег-заложников на фотоаппарат. Я не успел даже упаковать видеокамеру, как мне опять завязали глаза и сказали, что камеру они вынесут сами.

...Я чувствовал себя убитым. Меня тупо и грубо использовали, чтобы напомнить всем о «товаре» и поторопить с его выкупом. Я не то чтобы раньше этого не понимал, нет, я вполне себе отдавал отчет, что допускают они меня к коллегам не ради нашего свидания, а ради пользы своему делу. Бандиты прекрасно понимали, что я, как репортер и как коллега-журналист, захочу показать их по ТВ и буду призывать всех поспособствовать их скорейшему освобождению. А получить свободу эти заложники могут как раз только при удовлетворении бандитских требований... Эта чертова журналистская дилемма не дает мне покоя до сих пор: как освещать подобные события и не потакать злодеям? Спустя годы я попытался раскрыть эту тему в своем фильме «Терроризм как реклама». Увы, у меня нет готового рецепта, который можно было бы применить, к примеру, во время освещения террористических актов: правила в каждом случае складываются свои. Но в целом одно могу сказать определенно: если государство и общество правы, то террористов и бандитов всяких нечего огораживать глухой ширмой и тем самым демонизировать – их надо показывать и раскрывать их жуткое нутро, не робея. Люди должны знать, с кем имеют дело и как противостоять их угрозе морально и идеологически. Тогда и победить их будет проще.

Однако я отвлекся. В тот момент – после того, как я увидел глаза Юры и Коли, – мне стало жутко, жутко и противно. Я ненавидел всех, прежде всего – себя. Меня разрывало от отчаяния и бессилия, я не находил себе места с завязанными глазами в этой нервно плутающей машине.

– Почему вы не дали поговорить с ними подольше? – сквозь зубы выдавил я из себя. Они не могли не заметить раздражения в моем голосе.

– А что ты хотел?! Чтобы мы устроили тебе пресс-конференцию?! – грубо ответил мне сидевший рядом с водителем. А сидевший со мною рядом так толкнул меня в бок стволом автомата, что я смолк и не говорил больше ни слова.

Напоследок все тот же голос сказал мне, что если через пять дней не будет заплачен выкуп, они начнут расстреливать заложников. Первым убьют Льва Зельцера.

Обратно в дом Салауди я приехал на его же джипе. Он не спрашивал меня ни о чем. Меня молча проводили в ту же комнату в его доме и оставили одного.

Я не спал всю ночь и только под утро немного подремал. Мне уже было все равно, в каком состоянии вернули камеру и оставили ли вообще в ней кассету. На следующий день я уже был в Москве.

Здесь казалось, что все забыли про похищенных в Чечне четырех журналистов центральных средств массовой информации. О них говорили редко и только в связи с какими-нибудь другими событиями в Чечне. Я был подавлен и не знал, что же делать дальше, с чего начать и к кому идти за помощью. Необходимо было срочно предпринять какие-то меры для освобождения коллег.

Журналисты по большому счету независимы в зонах конфликтов – военных, политических, социальных и пр. У вас есть возможность общаться со всеми и с кем угодно. Ведь, в конце концов, все мы люди. Постарайтесь только выяснить, о чем думают конкретно те, с кем вы идете на контакт в данный момент, попытайтесь понять их. Они же не инопланетяне. Они такие же люди. Обращайтесь к ним в открытой и уверенной манере. Никогда не подходите к людям, думая про себя, что они могут быть против вас. Если вы идете со страхом и ожиданием проблем, вы получите их.

«Поступки каждого человека – за исключением разве что психопатов – нравственно мотивированы. Даже террористы преследуют нравственные цели. Глупейшая с точки зрения психологии мысль: террористы взорвали ВТЦ потому, что они ненавидят свободу. Это просто бред. Никто не говорит:

«Они там свободны. Как же я это ненавижу. Я хочу их убивать». Терроризм и насилие – это форма “нравственной” деятельности, не нравственно допустимой, но нравственно мотивированной».

Джонатан Хайдт, профессор

«Почему те разрушения, которые несут американцы, – это свобода и демократия, а сопротивление им – это терроризм и фанатичная нетерпимость?»

Усама бен Ладен

Прежде всего, конечно, я решил обратиться в свою редакцию телекомпании «ВиД». Я зашел к чрезвычайно занятому главному редактору Сергею Кушнерёву и сказал, что у меня есть что-то очень важное о заложниках в Чечне.

– Ну, что у тебя? У меня мало времени, Ильяс, говори.

– Я не успел еще перегнать на VHS, чтобы показать вам, Сергей Анатольевич, но это очень важно, – говорю я ему в ответ, надеясь, что объясню важность темы пока хотя бы на словах.

– Перегонишь – приноси, но только самое главное и к семи часам вечера... Нет, давай лучше завтра. Договорись с секретарем о времени.

– Но там материала всего-то на две-три минуты. Давайте я покажу вам сейчас.

– Что? Две минуты? Ладно, потом... – Он уже разговаривал по телефону и меня не замечал.

Я был зол и растерян: родная редакция, черт подери, не хочет ничего слушать о журналистах-заложниках! Я оставил кассету коллеге из «Взгляда» и поехал будить газетчиков. Информацией живо заинтересовались в «Коммерсанте», «Московских новостях», «Радио России». Немецкая журналистка Катрин Цаппе, которая была близко знакома с одним из коллег-заложников, Николаем Мамулашвили, организовала своеобразный «штаб» и распространила новость еще в нескольких российских и зарубежных изданиях. На следующий день поднялся шум. «Коммерсантъ» на первой полосе поместил фотографию заложников с моим комментарием, а «Московские новости» – статью, на скорую руку написанную корреспондентом газеты Дмитрием Бальбуровым. Дима, с которым я дружу со студенческих лет, позже, в начале октября 1999-го, сам был похищен бандитами и провел в заточении три месяца. Он был последним российским журналистом, попавшим в заложники в Чечне.

Моя собственная редакция опомнилась только через день.

– Почему ты мне сразу не сказал? – возбужденно спрашивал меня Кушнерёв, похлопывая по плечу. – Давай расскажем об этом всей стране. Ты готов?

– Да, – отвечаю я, – готов.

– Когда обещали их убить?..

Спустя несколько дней о сидящих в заложниках журналистах вспомнили все. Тогдашний председатель ВГТРК Николай Сванидзе только через четыре дня пригласил меня к себе в кабинет и, к моему удивлению, не стал спрашивать, как там выживают трое его подчиненных. Николай Карлович говорил только о том, как неосторожно я действую и как мешаю официальным органам в их нелегком процессе по освобождению журналистов. Более того, этот начальник стал пугать меня тем, что я могу оказаться жертвой тайных служб, которые под укол заставят меня рассказать все. Я рассказал Сванидзе все, как было, но он беспрестанно ходил по своему просторному кабинету с сонными рыбками в большом аквариуме и повторял, что все не так просто, как мне кажется, что этим делом занимаются соответствующие государственные структуры и все решения принимаются наверху. При этих словах я должен был почувствовать произвольный трепет и утихомириться. Меня же никто не просил высываться и говорить о коллегах, власти понимают, знают и стараются делать все

возможное. А я только путаюсь под ногами и мешаю нормально идущему процессу. Ай-ай-ай, как мне не стыдно!

Откровенно говоря, председателю ВГТРК удалось внушить мне, что я своими «эмоциональными действиями» только мешаю «рациональным шагам властей». Но о том, что я видел своими глазами, меня никто не спрашивал. Никто! Коллег интересовал сам сенсационный факт встречи с заложниками, а власти – возможность сказать, что они делают все, что в их силах.

Я до сих пор жалею, что не дал друзьям организовать пикет с требованием немедленно предпринять меры для освобождения заложников – поддался уговорам Сванидзе и отменил сбор на Ленинградском проспекте, намеченный как раз на тот день, когда я с ним встречался.

Потом были встречи с лидером думской фракции «Яблоко» Григорием Явлинским – единственным известным мне народным избранником, попытавшемся расшевелить власти своими письмами. Организовали своеобразный комитет спасения четырех журналистов, состоявший из родственников и друзей заложников, сидели в квартире Катрин Цаппе на «Белорусской» и писали открытые письма в газеты, звонили разным чиновникам. Большей частью натыкались на безразличие или бессилие.

Как-то вечером позвонил Салауди и дал телефон человека, который имел прямой контакт с похитителями. Мне стоило немалых трудов передать этот номер Сванидзе. Он отослал меня к некоему уполномоченному редактору, который сказал, что если посчитает нужным, позвонит этому человеку.

Малоэффективные старания нашего «комитета» продолжались почти месяц. И наконец в первых числах июня появилась информация о том, что Совет безопасности Дагестана во главе с Магомедом Толбоевым скоро освободит наших коллег. 7 июня я с оператором Владом Черняевым вылетел в Махачкалу. В дагестанском республиканском Доме печати, вместе с несколькими местными журналистами, мы прождали всю ночь.

Освобожденные заложники приехали ближе к обеду следующего дня на трех машинах – Юра, два Николая и Лев. Радость встречи была искренней, мы просто обнимались и не знали даже, о чем говорить. Казалось, они не совсем еще поверили в свое освобождение и временами как-то настороженно оглядывались по сторонам. Они держались рядом, все время улыбались, но были немногословны. Их сопровождал сам Толбоев с несколькими плечистыми помощниками, которые все время лезли в камеру и что-то говорили о сложной, но успешной операции по освобождению московских журналистов. Глава Совбеза республики демонстрировал листок бумаги, на котором была нарисована какая-то схема со стрелочками, крестиками и нулями. «А что это все означает? Как в этом разобраться?» – спросил я у Толбоева. «Возьми, – ответил он, – потом посмотришь и разберешься». Я так и не успел разобраться с той «загогулистой» схемой: после нашего похищения листок остался в моем рюкзаке, а затем оказался в руках главы так называемой шариатской безопасности Ичкерии. Рассказывали, что тот демонстрировал этот клочок бумаги по местному ТВ в качестве «доказательства» моей причастности к похищениям журналистов в Чечне. А спустя 13 лет как-то в беседе с председателем Союза журналистов Дагестана Алием Камаловым я совершенно неожиданно выяснил, что это именно ему Магомед Толбоев рисовал за совместным ужином ту схему, объясняя, как они собираются освободить наших коллег...

Мне хотелось поговорить с ребятами наедине, выяснить подробности их освобождения, но это оказалось невозможным. На четвертом этаже Дома печати Дагестана организовали импровизированную пресс-конференцию, на которой больше говорил Толбоев и еще откуда-то всплывшие начальники: с этого момента началась чиновничья толкотня вокруг освобожденных журналистов. Сразу после конференции ребят увезли в аэропорт, а мы с Владом поехали в Чечню.

Глава 2

В ночь перед похищением спал очень плохо. Снились какие-то сумбурные и тревожные сны. От таких снов будто мурашки по мозгам. Я часто просыпался и смотрел на часы в ожидании рассвета. Наконец, в начале седьмого встал и, кое-как умывшись скудным запасом воды в кастрюле, решил привести в порядок свои вещи. Помню, что делал это почему-то очень тщательно и не торопясь, будто в последний раз. Аккуратно перебирал и раскладывал свой нехитрый багаж, состоявший из записной книжки, видеокассет, микрофона и каких-то мелочей, о которых теперь и не вспомню.

С вами бывало такое: знаете наверняка, что за дверью непрошенный опасный гость, но вы не останавливаетесь и не поворачиваете назад, слепая и неумолимая сила тянет вашу руку повернуть ключ и открыть дверь? Вы верите в то, что в вас, как и в каждом другом, где-то в подсознании сидит «синдром кролика», загипнотизированного удавом?

В тот день после обеда мы с оператором Владом Черняевым планировали съездить в столицу соседней Кабардино-Балкарии, откуда в редакцию программы «Взгляд» пришло коллективное письмо от беженцев из Чечни с жалобой на притеснения со стороны местных властей. Кроме того, в Нальчике мне обещали предоставить письмо от похитителей и аудиокассету, на которой молодая женщина-заложница с плачем умоляет своих родственников отдать чеченцам требуемый выкуп за ее освобождение. История похищения этой женщины могла бы стать важным эпизодом в готовившемся документальном фильме.

Что брать с собою, отправляясь в командировку в зону боевых действий? У каждого журналиста набор вещей может быть свой. Кто-то, например, не может обойтись без любимого iPod или литровой бутылки водки с непременно тушенкой... Этот набор зависит еще и от конкретного региона, куда вы отправляетесь, в частности от его климата. Но минимальный набор, по мнению многих бывалых журналистов, включает в себя: паспорт и удостоверение; заряженный мобильник с запасным аккумулятором и зарядное устройство к нему, а также спутниковый телефон с дополнительной антенной, усиливающей сигнал; эквивалент \$1000 в бумажнике, еще тысячу где-нибудь в рюкзаке и кредитную карточку; лист бумаги со списком контактов, который может быть полезен при чрезвычайных обстоятельствах; компактный радиоприемник; зажигалка, спички, фонарик и несколько парафиновых свечей; дневной запас питьевой воды, таблетки, обеззараживающие воду, а также двухдневный запас сухпайка; складной перочинный ножик; медикаменты: обезболивающие препараты и перевязочный комплект. Не стоит брать с собой каких-нибудь детальных карт местности, компаса и бинокля.

Да, еще: перед отъездом напишите завещание и оставьте родственникам дубликат страховки. При некоторых обстоятельствах во время командировки это действует успокаивающе и вам будет легче засыпать.

К десяти, как и договаривались накануне, за нами приехал наш водитель Султан, лет пятидесяти, грузный и неторопливый житель Грозного. Я попросил его подождать, пока мы возьмем интервью у министра внутренних дел Чечни Казбека Махашева. Для этого не надо было никуда ехать – МВД находилось в том же доме, где мы с Владом остановились в квар-

тире соратника и друга Шамиля Басаева по кличке Большой Асланбек, с которым мы были знакомы по событиям в Буденновске, о которых я расскажу ниже.

Ссылаясь на занятость, Махашев продержал нас в приемной больше часа. За это время я попросил у одного из чеченцев телефон, позвонил в Москву своему шефу Александру Любимову и рассказал ему о наших планах на ближайшие дни. Он сказал, чтобы мы были поосторожнее и почаще выходили на связь. Наконец, мы с Владом зашли к министру.

Казбек встретил меня довольно недружелюбно. Почти с порога своего кабинета он объявил, что имеет полное право арестовать меня за связь с похитителями журналистов. Он имел в виду мою съемку Юры и Коли. Я протянул ему руки будто для наручников и сказал, что готов отсидеть, если он сможет доказать мою вину.

– Я делаю свою работу и не виноват, что у вас со своей не очень получается...

– Ты должен был прийти ко мне и сказать, что имеешь контакт с похитителями! – говорил мне Махашев... После такого вступления интервью с министром вышло никаким.

Доверяйте своим предчувствиям и инстинкту. Если вам кажется, что что-то не так в этом прекрасном солнечном дне, никуда не ходите, остановитесь и поверните назад.

На улице встретил своего старого знакомого – сына ветерана Великой Отечественной войны. Его восьмидесятипятилетнего отца я снимал для «Взгляда» накануне Дня Победы весной 1996 года. Сухощавый и лишь слегка сторбленный старик в коричневой домашней жилетке был удивительно подвижным и общительным и, несмотря на свой возраст, казался очень здоровым и крепким. Он прекрасно помнил ту далекую войну и лучше своих воюющих ныне сыновей знал, в каком месте своего огорода надежнее рыть бомбоубежище. Тогда мне запомнился его ответ на вопрос, почему он, имея такой боевой опыт, не воюет сейчас. Ветеран, будто смахнув с лица улыбку, серьезно сказал буквально следующее: «А зачем мне русских детей бить? Мне их жалко. Мне и своих жалко. Вот если бы какая-нибудь другая страна напала, я, может, и пошел бы воевать. Ты понял? Нет?»

Сын ветерана Саида Нухаева из Ведено искал своего двоюродного брата, без вести пропавшего во время боев в Грозном в августе 1996 года. Он попросил меня передать его фамилию в Комитет по поиску без вести пропавших при Президенте России. Был такой комитет, который занимался скорее сбором данных о пропавших, нежели их поиском.

Все то утро меня не покидало ощущение какой-то тупой и безотчетной тревоги. В паузах между разговорами она, как черная тень, особенно отчетливо нависала над мыслями. В эти секунды какая-то необъяснимая мелкая дрожь волною пробегала по всей внутренней стороне кожи. Нечто очень похожее происходило во время войны за секунду до опасно близкого разрыва снаряда или свиста пули. Наши похитители в тот момент – 11 июня 1997 года – были уже совсем рядом и уже приготовились к операции по нашему захвату.

Если вы находитесь в зоне повышенной опасности и вам кажется, что кто-то задался целью похитить вас, то, скорее всего, у вас есть только одна стопроцентная возможность избежать этого – уехать оттуда немедленно. Все остальные варианты более или менее относительны.

Даже если вы вполне доверяете своему водителю или переводчику, вы не можете быть уверены в его друзьях. Выезжая куда-то, скажите, что планы несколько изменились и вам необходимо попасть не туда, куда вы накануне планировали ехать, а в другое место.

Итак, сев в машину Султана, мы поехали к нашему охраннику Маирбеку, который жил буквально в трех-четыре минуты езды от МВД. Влад и я приблизительно представляли, где его дом, точный адрес знал только водитель. Обычно каждое утро перед выездом на съемки мы встречались с приставленным к нам охранником у входа в МВД – Маирбек был рядовым

роты охраны министерства. В тот день у него был выходной, но поскольку он нам понравился своим веселым характером и непринужденностью общения, мы договорились с ним, что за небольшое вознаграждение он будет сопровождать нас до конца нашей командировки.

Мы заехали во двор одного из немногих более или менее сохранившихся девятиэтажных домов по проспекту Ленина. Султан пошел за Маирбеком, а мы с Владом решили купить у стоявшей рядом лоточницы мороженое. Съели половину своих эскимо. Султана и Маирбека все не было, не было слишком долго. Во дворе появилась белая «шестерка», медленно развернулась и, преградив выезд нашей машине, аккуратно встала передом к проспекту. «Выходи из машины!» – скомандовал я. Влад не расслышал. Я снова: «Быстро выходи из машины!» Бежать к проспекту вдоль длинного дома было опасно – могли дать очередь по ногам. Огибать его с ближайшего угла было уже поздно – появилась вторая машина. Из обеих вышли и не спеша, но уверенно направились к нам хорошо вооруженные крепкие ребята в новенькой маскировочной униформе. Кто в маске, кто в темных очках. Я рванул мимо продавщицы мороженого. Забежал в ближайший подъезд. С криком «Ваши документы!!» за мной бросился один из нападавших. Я хотел подняться по ступенькам до ближайшей квартиры, хоть до кого-нибудь достучаться. За мою руку схватился бородатый в черных очках: «Ваши документы!!» Я сделал нелепое движение рукой в нагрудный карман жилетки. Бандит отодвинул за плечо автомат с подствольником и демонстративно вытащил из кобуры пистолет. Он приставил его в мой бок, и в этот момент в дверном проеме я заметил, что Влада уже повели к «жигуленку». Ко мне подбежал еще один, кажется, в маске. Выйдя из подъезда, я стал упираться и отталкивать нападающих. От возбуждения и нарастающей ярости самих ударов прикладами я не чувствовал, почувствовал только теплую пелену, стекающую на глаза. Из всех сил двинул одному из них локтем в бок. Через несколько секунд рухнул на землю и заметил бьющий меня в грудь начищенный солдатский ботинок, а еще через какое-то время слышал только крики: «Отпусти ногу! Ногу отпусти!!!» Теряя сознание, я инстинктивно схватил ногу одного из бандитов и не разжимал своих рук.

...Я пришел в себя от тряски в быстро едущей машине. Голова моя лежала на колене Влада, и на нас обоих было накинуто большое полотенце. Рядом со мною сзади сидел один из наших похитителей и все время, ударяя нас по голове, приказывал пригнуться ниже, а сидевший спереди вырвал из моей руки разбитые очки и выкинул их в окно.

Наша «шестерка» останавливалась только раз и буквально на несколько секунд – водитель с кем-то поздоровался и перекинулся несколькими словами. Затем Влада вывели из машины и я остался один. В гудящей голове промелькнуло, что разместят нас, видимо, раздельно. Но оказалось, что просто за город нас вывозили в разных машинах. Мы вновь оказались вместе с Владом уже где-то в заросшей холмистой местности. Здесь нас обоих тщательно обыскали, забрали все, что было в карманах, и удивились, почему у меня в бумажнике оказалось только 80 000 (деноминированные 80) рублей: я понял, что мой рюкзак и видеоаппаратуру из нашей машины они забрать не успели – слишком долго возились со мной.

Судя по их реакции на обнаруженное в наших карманах, они были самыми мелкими исполнителями, которые были рады хоть что-то иметь с нас уже прямо сейчас. Особенную радость у них вызывала моя серебряная зажигалка Zippo, которую они тут же начали разбирать, нюхать и проверять ее рабочие качества. Беспокойство вызывал обнаруженный у Влада пейджер. Они наперебой расспрашивали Влада и долго не могли понять, для чего он предназначен и как работает. Наши похитители боялись, что пейджер может оказаться радиоопределителем нашего местонахождения. По опыту прошедшей войны они знали о существовании радиомаячков, наводящих авиаудары на цель.

Через некоторое время мне дали смыть кровь и проводили нас с Владом в заросшую травой лощину. Усадив на землю, приказали не двигаться и не вставать с места. Для большей

убедительности один из них толкнул прикладом и ударил меня ногой в живот. Мне показалось, что это доставило ему большое удовольствие.

В поле мы просидели дотемна. Все это время – приблизительно часов шесть – похитители весело болтали между собой, не сказав нам при этом ни слова. Я все острее стал чувствовать резкий гул в голове и ноющую боль по всему телу. А Влада тем временем донимали муравьи – его усадили прямо на их гнездо.

Наконец, нас повели к машине, накрыли все тем же окровавленным полотенцем и медленно тронулись. Судя по звукам, мы ехали по высокой и густой траве и, как я урывками из-под края полотенца успевал заметить, двигались с выключенными фарами, останавливаясь и засылая вперед одного из своих на разведку. Ребята старались ответственно подходить к делу и соблюдать крайнюю осторожность. Прежде всего они опасались чеченских властей, которые по свежим следам могли разослать мобильные отряды для перехвата. При ичкерийском правительстве Масхадова действовала специальная группа по борьбе с похищениями людей. Эффективность этой группы была мизерной, но факт ее существования напрягал злоумышленников. Кроме того, необходимость соблюдать строгую конспирацию диктовалась «жесткой конкуренцией» в этой преступной сфере: ни одна из вооруженных группировок не отказалась бы нажиться на нас.

Между тем нам суждено было провести еще часов пять под открытым небом. Нам велели лечь на землю и не высовывать головы из-под полотенца. Вероятно, похитители подыскивали подходящее для нас укрытие и ждали раннего утра – любимого времени воров и бандитов.

Ночью стало прохладно и сыро, так что временами озноб пробегал по телу. Где-то рядом квакали лягушки, и откуда-то доносился лай собак. Вдруг я услышал приглушенное всхлипывание Влада. Я хотел было сказать: «Не надо», но не смог, подумал, что так ему, может, станет легче. Потом я просто шепотом спросил: «Как ты?» «Хреново, – тихо ответил он. – Холодно!»

К нашему первому месту содержания нас везли в наручниках, с натянутыми до подбородка вязаными шапочками. Когда их сняли, мы оказались в просторной комнате с двумя наглухо заколоченными окнами. На исцарапанном маленьком столике слабо поблескивала керосиновая лампа. Вдоль дальней стены стояли старые шкафы с несколькими провисшими дверцами, а справа – обшарпанный и перекосившийся диван. На всем лежал толстый слой пыли. Дом был давно заброшенным. Человек в маске сказал, чтобы мы сидели тихо и разговаривали только шепотом. Мы попросились в туалет. Нас по одному вывели в соседнюю комнату и, указав на проломанную доску в полу, сказали, что туда можно только по-маленькому.

Не помню точно, чем нас кормили в первый раз, то ли супом, то ли бульоном. Есть я все равно не мог. Оголенные нервы выбитых передних зубов не давали ничего откусывать, а если что-то и удавалось прожевать боковыми, то от тошноты все выворачивало наружу. Влад сказал, что, похоже, у меня сотрясение мозга.

Глава 3

Как же так? Этого не может быть! Вышло какое-то недоразумение. Мы хотели думать, что очень скоро, буквально этой же ночью или в крайнем случае завтра организаторы нашего похищения разберутся и обязательно нас отпустят. Ведь мы – сотрудники всеми в Чечне уважаемой программы «Взгляд», а я ее постоянный корреспондент в этом регионе с самого начала войны. Здесь все знают мои репортажи на Первом общероссийском телеканале. Какие бы подонки ни осмелились нас похитить, жители Чечни не позволят удерживать нас и тем более требовать за наше освобождение какой бы то ни было выкуп. Половина Чечни знала меня в лицо, и самые разные люди всегда готовы были оказать помощь.

Я так думал, потому что хотел в это верить.

Если уж вы оказались в заложниках, не геройствуйте и не нервничайте своих похитителей: они провели ответственную операцию, взвинчены и желают тут же ясно показать, кто несомненный хозяин вашего нынешнего положения. Нет гарантий, что похититель изберет адекватный метод усадить вас на место. Отныне есть две главные вещи, которые вы должны запомнить:

1. Сделать все возможное, чтобы выжить.
2. Не терять уверенности в том, что прилагаются все усилия ради вашего освобождения. Большинство заложников в конце концов все же освобождают.

И еще: будьте готовы улыбаться в лицо вашим похитителям и соглашаться с их идеями. Но также вы должны быть готовы убить их при необходимости. Вы абсолютно ничем им не обязаны.

Голова стала болеть сильнее, я долго не мог заснуть, ворочался на расстеленном на полу затхлом матрасе, вставал и мелкими шагами прохаживался по еле освещенной комнате с низким, давящим потолком. Запах копоти от старой керосиновой лампы вперемешку с поднятой нами застарелой пылью заполняли собою всю комнату, которая казалась мне ожившим пространством из мимолетного кошмарного сна. Желая несколько отвлечься от боли и от жутких мыслей, я уселся прямо на пол и стал тихо рыться в шкафах. В доме этом жили люди, складывали и хранили здесь свои вещи, которыми они пользовались в свое удовольствие. Неужели все следы их пребывания истлели и превратились в пыль?.. Я уже и не рассчитывал что-либо обнаружить, как вдруг рука что-то нащупала в глубине одного из нижних выдвижных ящиков. Это оказался обыкновенный старенький учебник «Природоведение» для четвертого класса общеобразовательной школы. По таким учебникам учились и мы в свое не столь давнее советское прошлое. Я подошел с книжкой ближе к свету и стал пролистывать ее широкие истрепанные листы. Мне везло на компрометирующие находки: на одной из первых страниц «Природоведения» я обнаружил синенький четырехугольный штамп и, чтобы прочесть его, наклонился к самой лампе: «Долинская средняя школа».

Я был в шоке. Мы оказались в руках у печально знаменитой долинской группировки, специализирующейся на похищениях журналистов! Именно этой группировкой в феврале 1997 года были похищены журналисты ОРТ Перевезенцев и Тибелиус, именно «долинские» устроили мне встречу с двумя из четырех корреспондентов ИТАР-ТАСС и «Радио России», удерживавшихся в течение трех месяцев. Они же похитили и итальянского фотожурналиста Мауро Галлигани, с большим трудом выкупленного весной того же года. По моим сведениям, бандиты именно этой группировки уже месяц удерживали в заложниках съемоч-

ную группу НТВ. По разным источникам, долинская вооруженная группировка в качестве выкупа за похищенных журналистов к тому моменту уже получила больше \$2 млн.

Ошибки быть не могло. Даже если предположить, что книжка была привезена с другого конца Чечни, то время, потраченное на нашу доставку к месту заточения, говорило в пользу этой версии: его как раз хватало на расстояние из Грозного в поселок Долинский – приблизительно 25 км. Подмеченные позже детали не оставили ни малейшего сомнения в том, что мы с Владом стали очередными жертвами именно долинской группировки во главе с Арби Бараевым.

Это прежде всего означало, что мы не можем рассчитывать на освобождение минимум месяц. Как правило, организаторы таких похищений не подавали в первые недели никаких признаков жизни. Они не выдвигали никаких требований и условий, молча отсиживались и следили за реакцией Москвы: смотрели все выпуски новостей по всем доступным телеканалам, слушали российское радио, «зондировали» по своим каналам неофициальную информацию, собирали слухи. Они немного побаивались официальных масхадовских структур, которые могли прознать о месте заточения заложников, а затем попытаться освободить их силой или предъявить какие-то жесткие требования. Хотя до этого вряд ли дошло бы: наверняка у них и там все было «схвачено» – сидел в силовых органах Чечни свой хорошо оплачиваемый информатор. Поговаривали даже, что сам вице-президент – «молсовхозовский» Ваха Арсанов – крышует «бизнес» своих односельчан и родственничка. Короче говоря, при трезвом взгляде на ситуацию у нас не могло быть надежды на скорое и безобидное освобождение. Прекрасно вооруженная долинская группировка отличалась бескомпромиссной и безапелляционной тактикой. Никакими угрозами, ультиматумами и просьбами их было не пронять!

Рассказывали, что как-то раз в поселок приехал сам президент Аслан Масхадов. Приехал со своими людьми специально, чтобы потребовать от местных боевиков прекратить преступную торговлю людьми и в частности журналистами. Он пытался объяснить, какие политические и идеологические последствия влечет такого рода занятие для независимой Ичкерии. Но местные и слушать его не захотели. Дошло даже до стрельбы поверх голов охраны президента. Бандиты кричали, что они не у Масхадова требуют выкуп за заложников, а у Москвы, убивавшей и калечившей их семьи. Кроме того, никто не может указывать чеченцу, как жить и каким способом зарабатывать деньги, а в силу неписаных местных правил этого не может делать другой чеченец, даже если он президент...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.